

Н.О. Щупленков, О.В. Щупленков

*Ставропольский государственный педагогический институт,
филиал в г. Ессентуки*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ТРЕХЛЕТНИЙ ПЕРИОД (1820–1823): РАЗВИТИЕ ИСПАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Конституционная трехлетка (1820–1823 гг.) была ключевым периодом в длительном процессе кризиса старого режима и либеральной революции в Испании, в ходе которого были сформированы лагеря революции и контрреволюции. Либерализм разделился на умеренных и прогрессивных, которые противостояли друг другу в первой половине XIX века. А в оппозиции либерализму слились контрреволюция и антиреволюция, которые имели место в политической жизни Испании на протяжении девятисотых годов (от реализма до карлизма). Конституционная трехлетка, кроме того, имела большое политическое значение в Европе в эпоху Реставрации и в Америке.

Испания, католичество, контрреволюция, Либеральная трехлетка, революция, нация, политика.

Какое политическое значение имело громкое утверждение католической конфессиональности государства в течение Либеральной трехлетки? Приоритетная политика смягчения в 1820–1823 годах отражала консенсус, разделяемый либералами с очень разными ориентациями [1; 3; 11; 25].

Есть три ключевых фактора, определяющих важность этих мер. Необходимо отметить, что это было не просто экономическое мероприятие и не затрагивающее только Церковь. Его последствия затронули все общество во всех его различных аспектах. Во-первых, религиозные институты «мертвых рук» стали решающим дополнением к испанской социальной динамике, в которой долгое время доминировали интенсионные волны установления связей или мажоритариев. Обратной стороной медали сосредоточения наследства на одном наследнике было перенаправление остальных потомков в религиозные фонды, наделенные имуществом, которое, следовательно, понималось как наследственное и семейное одновременно. Кроме того, увеличение числа верующих сыграло решающую роль в систематическом распространении практики покаяния в семисотлетней Испании, что вновь стало решающим фактором моральной и политической дисциплины, как будет видно из Либеральной трехлетки. Наконец, резкое сокращение социального присутствия религиозных людей повлияло на важную интерпретацию мира, распространяемую даже многими иллюзионистами. Согласно этому, «природа действовала по законам, которые не переставали быть подверженными вмешательству со стороны божественности. Искоренение освященных традициями форм жизни политическими средствами означало бы изменение условий взаимоотношений между обществом и средствами к существованию, необходимых для правильного существования и развития» [21]. Несмотря на свою важность, закон о смягчении наказания, принятый в октябре 1820 г., был лишь частью комплекса мер, которые изменили мировоззрение

многих католиков, таким образом, создали существенно новую обстановку.

«Модель Марчени – Пухоля»: «либеральная нетерпимость» нации

Конфессиональную нетерпимость испанского либерализма следует рассматривать в противовес предписывающей концепции конфессиональности нации, которую отстаивали антилибералы. В то время как те, кто возражал против того, чтобы нация ограничивалась сохранением своей «сущности», определенной в истории религией, либеральная идея конфессионализма давала законодательной власти возможность изменять социальные структуры и привычки. Существовал консенсус в отношении либерального конфессионализма, который мы определили в соответствии с размышлениями Х. Марчени и либерального священника А. Пухоля. На основе религиозной веры, регулируемой только законом, можно было эффективно и постепенно продвигаться к свободе вероисповедания, руководствуясь двумя предпосылками: приоритетом суверенитета нации и стимулом к социальным изменениям, подкрепленным реформами, затрагивающими саму Церковь. Это включало решительный сдвиг в институциональных платформах Церкви и открытие общественного пространства для дискуссий и возможностей культурных изменений. Не в последнюю очередь это привело к ключевым преобразованиям в области формирования среднего класса, считающегося эталоном всего общества.

Таким образом, в начале Либеральной трехлетки Х. Марчена обобщил консенсус большинства либерализма, заявив, что либеральная модель вводит динамику преобразований, которая, по всей вероятности, должна была «проложить путь, ведущий к свободе вероисповеданий». Для А. Пухоля эта свободная основа религиозного единства усиливала борьбу против деспотизма и суеверий и способствовала распространению знаний. Постепенный прогресс обеспечивал

более стабильные и устойчивые достижения, чем разрушительные изменения в практике и мышлении. Имевшие место в те годы столкновения подтверждают сущность этого преобразующего процесса [13].

Гражданская война 1822–1823 гг.

Летом 1822 года роялисты, насчитывавшие в своих рядах от двадцати тысяч до тридцати тысяч человек, намеревались захватить крепость Сеу-д'Уржел (Каталония) и установить регентство Уржеля, в состав которого входил маркиз Матафлорида Бернардо Мозо де Росалес, барон Эролес Хоакин Ибаньес-Кью-Вас и архиепископ Таррагоны Хайме Креус. Регентство Уржеля обеспечило контрреволюцию централизованным руководством и определенной идеологической согласованностью, а также придало важный импульс деятельности партий, хотя некоторые из них не желали подчиняться его приказам, в рамках споров о руководстве контрреволюцией между маркизом д'Ургелем и Франсиско де Эгия, выступавшим за абсолютизм до крайности [14].

С этого момента роялисты укрепили свою власть над северо-западной Каталонией, Эль-Маэстразго (Арагон и Валенсия), центральной и северной Наваррой, а также районами Страны Басков, Галисии и Ла-Манчи, создав свои собственные институты для управления территорией, на которой они доминировали (вместе с другими регионами). Это вызвало различные столкновения между гражданскими и военными властями, а также роялистскими партиями и жителями районов, находящихся под его контролем. Летом и осенью 1822 г. в Каталонии, Наварре и Стране Басков шла настоящая гражданская война, в которой нельзя было оставаться в стороне и из которой гражданское противостояние с той и с другой стороны было остановлено крайними мерами: репрессии, реквизиции, контрибуции, войны, грабежи и т.д. [2].

Провал абсолютистского переворота, совершенного Королевской гвардией в Мадриде в начале июля 1822 года, радикализировал политический процесс с назначением нового правительства во главе с конституционалистом Э. де Сан-Мигелем, что способствовало более жестким действиям по отношению к контрреволюции [4; 16]. Осенью того же года армия была реорганизована, и военные подкрепления, прибывшие на указанные три территории, позволили зимой 1823 года после тяжелой шестимесячной кампании конституционалистам переломить ситуацию и изгнать партии роялистов из Каталонии, Наварры и Страны Басков во Францию (около двенадцати тысяч человек), а также в Галисию, Эстремадуру, Касилью и Леон в Португалию (около полутора тысяч человек). Восстание роялистов и бегство регентства Уржеля были использованы Эгией (которая не покинула Байонну) и ее сторонниками (Хунтой Наварры), чтобы сместить Матафлориду и регентство Уржеля на сторону контрреволюции.

Мы можем объяснить военную победу прогрессивистов пятью факторами. Во-первых, конституционная армия впервые располагала авторитетными командирами и военно-политической стратегией, в соответствии с которой были мобилизованы все военные ресурсы. Во-вторых, разработанная стратегия оказалась

успешной в победе над роялистами, поскольку они постепенно заняли господствующую позицию, не позволяя партиям переделывать или перестраивать свои ряды, как это было до этого. В-третьих, разделение контрреволюционного руководства чрезвычайно затруднило поступление ресурсов, необходимых для поддержания войск роялистов в надлежащем состоянии и для того, чтобы части могли быть надлежащим образом вооружены и экипированы; отчасти причина заключалась в том, что большинство контрреволюционных лидеров считали, что единственный возможный вариант – это въезд иностранного агента. В-четвертых, тактика партизанской войны и умение вождей роялистских партий определять свою военную стратегию, которые до этого момента приносили им много успехов, проявились как главный недостаток в способе противостоять наступлению противника, более организованной и многочисленной армии, которая победила их на всех фронтах. В-пятых, роялисты начали терять поддержку населения с того момента, как они смогли установить свою власть над определенными районами территории, поскольку жители этих районов были возмущены требованиями военных вождей роялистов и чрезвычайным взносам, противоречащим их заявлениям.

Французское вторжение и конец конституционного строя

Конституционный успех 7 июля 1822 г. и изгнание роялистских партий за пределы Каталонии осенью 1822 г. и зимой 1823 г. убедили европейские абсолютистские державы и контрреволюционное руководство в том, что единственный способ покончить с конституционным режимом – это иностранное вмешательство, как это уже обсуждалось, хотя и не согласовывалось, на 49-м конгрессе в Вероне. Именно французское правительство взяло на себя инициативу и решило вмешаться в Испанию, начав подготовку к вторжению, чтобы не повторять ошибок 1808 года. Кроме того, оно заручилось поддержкой Эгии и его последователей, готовых создать Временную хунту по приказу Ангулема, чтобы оправдать французское вмешательство как акцию помощи, запрошенную самими испанцами. Между тем конституционное правительство колебалось между недоверием к вторжению и надеждой на то, что в случае его осуществления испанский народ отреагирует так же, как и во время предыдущей войны с французами, и что Великобритания сохранит активный нейтралитет в пользу конституционного режима. Когда вторжение стало необратимым, армия, насчитывавшая около 70 000 человек, была реорганизована, но командование было отдано нескольким генералам, которые вскоре предали свою страну и сдали свои войска оккупационной армии. Хотя были и заметные эксцессы, такие как в Каталонии и Андалусии или на бастионах в Памплоне, Аликанте и Картахене, где конституционная армия защищала либеральный режим от французских войск и роялистов. Генералы Франсиско Эспос и Мина в Каталонии и Хосе Мария де Торрихос в Картахене были последними, кто сдался французским войскам [18; 19; 20].

В начале апреля 1823 года в Испанию вошла французская армия общей численностью 100 800 человек и около 12 000 испанских роялистов под командованием герцога Ангулемского. Французская армия решила захватить как можно большую территорию, оставив изолированными опорные пункты, где сосредоточилась большая часть конституционных войск. Французы вскоре прибыли в Мадрид, где установили регентство Королевства, которое поддерживало постоянные столкновения с Ангулемом, но до начала октября им не удалось занять Кадис, где были размещены правительство и кортесы [5; 12; 17; 22]. В любом случае мы должны отметить, что тема похода французской армии при оккупации Испании не была такой, поскольку французам потребовалось семь месяцев, чтобы полностью овладеть полуостровом, несмотря на наличие превосходящей армии [10].

Различные факторы способствовали ослаблению конституционного режима, способствуя военному поражению французской армии. Экономические и социальные факторы, связанные с проведением либеральной экономической политики, которая на критическом этапе нанесла краткосрочный ущерб крестьянству. Политические факторы, коренящиеся в расколе либералов и репрессиях в отношении прогрессистов и снисходительности к абсолютистам, практиковавшейся умеренными правительствами, что позволяло постепенно распространять внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, что затрудняло укрепление конституционного режима. Культурные факторы, поскольку, несмотря на усилия конституционалистов заручиться поддержкой и распространить свою политическую культуру среди населения, им не удалось перевернуть с ног на голову глубоко укоренившуюся реалистическую культуру. В любом случае решающим фактором падения конституционного строя стало вторжение французской армии. Вторжение, справедливо вызванное успехом Конституции 1812 г. в Европе эпохи Реставрации и успехом конституционной системы в укреплении зимой 1823 г. путем ликвидации внутренней контрреволюции.

1 октября 1823 г. Фердинанд VII во второй раз восстановил абсолютизм и начал жестокие репрессии против освободителей, в результате чего большое количество людей было убито, заключено в тюрьмы, оштрафовано, очищено или изгнано [24]. Однако масштабные репрессивные меры Фердинанда не смогли полностью восстановить ни старый порядок, ни режим, ни переход к либерализму, отчасти из-за раскола абсолютизма между ультра- и реформаторами [9; 15].

Заключение

В течение Конституционного трехлетия социальные группы, не принадлежащие к роялистам, занимали однородные политические и идеологические позиции, в противоположность этому, все группы были представлены в революции и контрреволюции, хотя верно, что некоторые из них были более заметны на той или иной стороне [7]. Среди руководителей революции и контрреволюции мы находим в процентном отношении сходных с юристами и владельцами ферм; хотя в рядах либералов спектр либеральных практиков был шире, чем у консерваторов, которые монопо-

лизировали абсолютистскую сторону. Среди лидеров-роялистов выделяется присутствие дворян, церковных деятелей и военных, хотя это не означает, что мы не находим их и среди лидеров-роялистов, особенно военных. Среди свободных лидеров выделяются торговцы, фабриканты, ремесленники и менестрели, но мы также находим ремесленников и менестрелей среди правящих роялистов, хотя это и не имеет такого большого значения.

Роялистские низы состояли, прежде всего, из ткачей, мелких крестьян и поденщиков; а либеральные – из крестьян-собственников, ремесленников и менестрелей, а также городских рабочих. Ремесленников и менестрелей мы снова находим среди социальных слоев обеих сторон, хотя и с большим весом в рядах либералов. С крестьянами происходит обратное, то есть, хотя верно, что они присутствовали с обеих сторон, их присутствие было более важным у роялистов.

Конституционный трехлетний период на международном уровне был отмечен длительной борьбой, развернувшейся в период с 1789 по 1848 год между сторонниками преемственности старого сословного и абсолютистского порядка (контрреволюционерами) и сторонниками нового либерального и капиталистического порядка (революционерами) [6; 8; 23]. И те, и другие должны были мобилизовать народные классы на борьбу за сохранение старого сословного и абсолютистского порядка, будь то от власти или вне ее, чтобы попытаться выиграть политическую борьбу. Обе стороны прибегали к политическому насилию, и это часто приводило к гражданской войне. И хотя и то, и другое имело место в большинстве европейских стран, оно имело большее распространение и большую преемственность в Испании, где политический и культурный раскол сохранялся на протяжении почти всего XIX века, что привело к пяти гражданским войнам, в конце которых значительное число проигравших потерпели поражение и должны были выбрать путь изгнания.

Литература

1. Alonso, G. La nación en capilla / G. Alonso // *Ciudadanía católica y cuestión religiosa en España (1793–1874)*. – Granada : Comares, 2014. – P. 75–110.
2. Arnabat, R. Violencia política y guerra civil durante el Trienio Liberal en Cataluña (1820–1823) / R. Arnabat // *Vasconia*. – 1998. – № 26. – P. 49–62.
3. Artola, A. Política religiosa / A. Artola // Pedro Rújulae Ivana Frasset (coords.): *El Trienio Liberal (1820–1823). Una mirada política*. – Granada : Comares, 2020. – P. 263–284.
4. Bustos, S. El 7 de julio de 1822: la contrarrevolución en marcha / S. Bustos // *Revista Historia Autónoma*. – 2014. – № 4. – P. 129–143.
5. Butrón, G. La ocupación francesa de España (1823–1828) / G. Butrón. – Cádiz : Universidad de Cádiz, 1997. – 224 p.
6. Davidson, N. Transformar el Mundo / N. Davidson // *Revoluciones burguesas y revolución social*. – Barcelona : Crítica, 2013. – P. 126–177.
7. Escrig Rosa, J. «Cadenas de papel». Un estudio del Análisis de la Constitución española (1823) de Karl-Ludwig von Haller / J. Escrig Rosa // *Historia Constitucional*. – 2016. – № 17. – P. 127–164.
8. Fontana, J. Capitalismo y democracia, 1756–1848 / J. Fontana // *Cómo empezó este engaño*. – Barcelona : Crítica. – 2019. – P. 29–74.

9. Fontana, J. De en medio del tiempo. La segunda restauración española. 1823–1834 / J. Fontana. – Barcelona : Crítica, 2006. – 576 p.
10. Frasset, I. La España Americana / I. Frasset // El Trienio Liberal (1820–1823). Una mirada política. – Comares : Granada, 2020. – P. 155–184.
11. Laparra, E. Cultura católica: confesionalidad y secularización» / E. Laparra // La creación de las culturas políticas modernas, 1808–1833. – Madrid-Zaragoza : Marcial Pons-Puz, 2014. – P. 127–154.
12. Laparra, E. Los cien mil hijos de San Luis. El ocaso del primer impulso liberal en España / E. Laparra. – Madrid : Síntesis, 2007. – 398 p.
13. Larriba, E. La prensa / E. Larriba // El Trienio Liberal (1820–1823). Una mirada política. – Comares : Granada, 2020. – P.187–212.
14. Laspra Rodríguez, A. A True Translation: Translation as a weapon in the Peninsular War / A. Laspra Rodríguez // Translations in Times of Disruption. – Palgrave, London, 2017. – P. 201–232.
15. Luis, J.-P. L'utopie réactionnaire: épuration et modernisation de l'État dans l'Espagne de la fin de l'ancien régime (1823–1834) / J.-P. Luis. – Madrid : Casa Velázquez, 2002. – 462 p.
16. Perez Garzon, J.-S. Milicia nacional y revolución burguesa: el prototipo madrileño, 1808–1874 / J.-S. Perez Garzon. – Madrid : Consejo Superior de Investigaciones científicas, Instituto "Jeronimo Zurita", 1978. – 636 p.
17. Ramírez, P. J. La desventura de la Libertad. José María Calatrava y la caída del régimen constitucional español en 1823 / P. J. Ramírez. – Madrid : La Esfera de los Libros, 2014. – 1165 p.
18. Rodríguez Tapia, A. «Mitigar los males que la revolución en la Península había causado en América»: los gobiernos absolutistas y las provincias de ultramar en 1823 / A. Rodríguez Tapia // Hispania Nova. – 2023. – 21. – P. 465–497.
19. Rújula, P. El rey / P. Rújula // El Trienio Liberal (1820–1823). Una mirada política. – Granada, Comares, 2020. – P. 3–38.
20. Sánchez, A. A. La búsqueda de un nuevo modelo de relaciones con los territorios ultramarinos durante el Trienio Liberal (1820–1823) / A. A. Sánchez // Revista de Indias. – 1997. – LVII-210. – P. 451–474.
21. Sanchez-Blanco, F. Europa y el pensamiento español del siglo XVIII / F. Sanchez-Blanco. – Madrid : Alianza Editorial. 1991. – P. 76–150.
22. Sánchezmantero, R. Los cien mil hijos de San Luis y las relaciones francoespañolas / R. Sánchezmantero. – Sevilla : Universidad de Sevilla, 1981. – P. 19–81.
23. Schroeder, P.W. The transformation of European politics, 1763–1848 / P. W. Schroeder. – Oxford : University Press, 1996. – 894 p.
24. Simal Luis, J. Emigrados. España y el exilio internacional, 1814–1834 / J. Simal Luis. – Madrid : CEPC, 2012. – P. 181–247.
25. Solans Javier Ramón F. Religión, en Pedro rújulae Ivana Frasset (coords.) / F. Solans Javier Ramón // El Trienio Liberal (1820–1823). Una mirada política. – Granada, Comares, 2020. – P. 355–377.

N.O. Shchuplenkov, O.V. Shchuplenkov

**THE CONSTITUTIONAL THREE-YEAR PERIOD (1820–1823):
THE DEVELOPMENT OF SPANISH LIBERALISM**

The Constitutional three-year period (1820–1823) was a key period in the long process of crisis of the old regime and the liberal revolution in Spain, during which the camps of revolution and counter-revolution were formed. Liberalism was divided into moderates and progressives, who opposed each other in the first half of the 19th century. And in opposition to liberalism, the counterrevolution and antirevolution that took place in the political life of Spain during the nineties (from realism to Carlism) merged. The Constitutional three-year period, moreover, was of great political importance in Restoration Europe and in America.

Spain, Catholicism, counterrevolution, Liberal three-year period, revolution, nation, politics.